

Вопросы истории и культуры северных стран и территорий

Historical and cultural problems of northern countries and regions

Научные статьи

УДК 39

Локальная фольклорно-этнографическая традиционная культура села Тентюково Республики Коми

Кудряшова В.М.¹

Аннотация. Фольклорно-этнографическая культура села Тентюкова Республики Коми в контексте этнической и локальной специфики ее развития показывает, что она была разнообразной и богатой, однако в процессе многовекового бытования подверглась деформации. Фрагментарно живы еще некоторые текстовые воспоминания. Сельчане бережно относились к календарным праздникам, его обрядовым действиям, играм, хоровому пению. Верили в колдовскую силу, порчу, в хозяев различных локусов, лесных, водяных, домашних духов, оберегались от сглаза, нечистой силы, колдунов, еретиков.

Ключевые слова: село Тентюково, Республика Коми, календарные праздники и обряды, песенная культура, мифологические персонажи.

Local folklore and ethnographic traditional culture of the village of Tentyukovo of the Republic of Komi

Kudriashova V.M.¹

Abstract. The folklore and ethnographic culture of the village of Tentyukovo in the context of the ethnic and local specifics of its development shows that it was diverse and rich, but in the process of centuries-old existence it underwent deformation. Some text

memories are still fragmentary. The villagers treated calendar holidays carefully, ritual actions of the holiday, games, choral singing. They believed in witchcraft, curses, in the owners of various loci, forest, water, household spirits, protected themselves from the evil eye, evil spirits, sorcerers, heretics.

Keywords: Tentyukovo village, calendar holidays and rituals, song culture, mythological characters.

¹*Кудряшова Вера Михайловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук. ул. Коммунистическая, 26, 167000, г. Сыктывкар, Российская Федерация.*

Kudriashova Vera Mikhailovna, Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch of RAS. Kommunisticheskaya str., 26, 167000, Syktyvkar, Russian Federation.

© **В.М. Кудряшова**

Устное поэтическое и культурно-этнографическое наследие пригородного села Сыктывкара специально не изучалось, хотя его история составляет несколько столетий. К настоящему времени от процветавшего некогда крестьянского села ничего не осталось, поэтому значимость выявления сохранившегося, фиксация мудрости и таланта нескольких поколений людей велика. Находясь в состоянии непрерывного жизненного изменения старшее поколение продолжало хранить в памяти прошлое в виде воспоминаний и передавало его следующему поколению. Отдельные сведения зафиксированы в письменных и архивных источниках. Произведения фольклора, некогда вобравшие в себя социально-историческую уникальность в ходе многовекового бытования данной локальной группы населения, давно уже не являются органической частью жизни проживающих там людей.

Особая роль в сохранении остатков народного творческого наследия односельчан принадлежит уроженцу Тентюкова, выдающемуся и всемирно известному ученому,

лингвисту, финно-угроведу. В.И. Лыткину, который с детства впитал в себя культурное и традиционное наследие окружавшей его действительности. Все это отразилось в дальнейшем в созданных им произведениях. Собранный им материал он передал также для хранения и дальнейшего его использования в работах исследователей в архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук [2]. В сохранение фольклорного и лингвистического материала местного населения внесли свой вклад выходцы из села, ученые Т.И. Жилина, В.А. Сорвачева, А.Н. Фролов, журналист Л.А. Лыткин и другие. Изучение данной локальной фольклорной традиции были предприняты в 1958-59 гг. ученым А.К. Микушевым, в 1981-1986 гг. В.М. Кудряшовой совместно со студентами КГПИ. Кроме Тентюкова были обследованы и близлежащие Сыктывкару населенные пункты. Удалось записать разножанровый материал.

В.И. Лыткин писал, что те, кто хотят узнать глубже свой народ, его культурно-исторические корни, должны выучить его песни, сказки, предания, все то, что народ накопил в качестве духовного богатства в течение длительного времени.

Многое уже ушло из памяти поколений, поэтому оценить фольклор села представляет значительную трудность в таких поселениях как Изкар, Котинев, Титов, Онтонпи, Ганя, Ягвыв, бывших в составе Тентюково, где населения было больше, чем в погосте Усть-Сысольск. С преобразованием села в город часть населения оказалась в пределах территориальной его застройки и постепенно растворилась в его кварталах. Изменилась и главная дорога, по которой в течение веков ездили из Усть-Сысольска в другие районы Коми края. С 1960 года Тентюково перестало фиксироваться, как самостоятельный населенный пункт и окончательно слилась с городом Сыктывкаром, а значительная часть его жителей была переселена в благоустроенные дома.

В письменных исторических документах Тентюково впервые упоминается в 1586 г. как починок с одним жилым и одним пустым двором. В 1646 году он получает известность уже как деревня Тентюковская с одиночными домами и немногочисленными жителями. С 1719 года оно вошло в состав погоста Усть-Сысольск.

По рассказам старожилов на противоположном берегу Вычегды, напротив горы Лекеджи, жил какой-то народ, основным

занятием которых была охота и рыболовство. Урочище называли Деревней. За большим озером у елового леса сохранилось кладбище, где хоронили проживавших там жителей, которых называли чудью. Свои жилища они строили якобы на сваях. Возможно, это были дохристианские поселенцы-язычники, которые из-за частых наводнений вынуждены были переселиться в деревню Озел. Некоторые же подыскивали высокое место на противоположном берегу Вычегды и положили начало образованию села Тентюково. В преданиях о них говорится как об уходящих из мест своего первоначального проживания, а также самопогибающих людях и их внутриобщинных взаимоотношениях.

Фольклорист Ю.Г. Рочев писал, что по Нижней Вычегде наиболее распространенными оказались сюжеты о самопогребенной чуди. Не приняв новую веру Стефана Пермского чудь, вырыв яму, подрубала столбы, на которых держалась крыша. Таким образом, оказывались заживо погребенными. Эти ямы можно увидеть еще и сейчас. Следы проживания рыбаков и охотников были замечены в земляных пещерах рядом с горой Зятьель, а также местечке Нижний Чов.

Недалеко от села Тентюково в деревне Зеленец жили якобы в прошлом люди маленького роста, со смуглой кожей лица. Они вели скрытый образ жизни, старались не показываться людям, а затем неожиданно куда-то ушли по так называемым «египетским тропам». Микротрадиция поселения представлена разными объемами полевых записей

Чудь, по сведениям информаторов, жила также в заброшенных домах или в огромном дереве, растущем рядом, не показываясь людям, но какими-то признаками давала о себе знать. Сведения о них имеют локальный характер.

Постепенно часть жителей Деревни с фамилиями Лыткины, Сорвачевы, Малыгины переехали в Озел, некоторые переселились на возвышенность противоположной стороны реки, где уже проживало немногочисленное население будущего села Тентюкова, занимавшихся охотой и рыболовством. Особенно много оказалось среди них с фамилиями Сорвачевы в деревнях Онтонпи, Чоййив, Ягвив, Молодцовы, Фроловы, Кузнецовы, Кудиновы, Прошевы. В Чоййиве проживали также пришедшие с соседних деревень с фамилиями Молодцовы, Сорвачевы, Фроловы, Кудиновы. Все

они еще долгие годы поддерживали родственные связи с переселенцами Озела, особенно во время праздников¹.

На территории бывшей Деревни сохранились останки построек, а также местные топонимы. На возвышенных местах встречаются круглые ямы, которые считались чудскими могильниками (чудь гу). Проживавших там не воспринимали как чужой этнос, однако они не приняли новую христианскую веру, которую стали усиленно внедрять с XIV века в широкие народные массы. Часть коми населения отправлялась в поиски более благоприятных для проживания мест.

Спустя годы через опустевшую деревню, жители Тентюкова ходили за грибами и ягодами, доходили до Таркояна, Мышкаса, Соснового бора и болот. Около лесной избушки Петрука, где протекал речной залив, оставляли своих лошадей. Протоку у старой Вычегды, соединяющую озеро с рекой, загораживали бревнами, связывая их тоненькими ветками ивы, оставляли небольшие отверстия для воды, где скапливалось огромное количество рыб, которых ловили всегда в определенное время. Лишнего никогда не брали. Мелочь, попадавшую в сеть, выпускали обратно. На лугу рядом с Деревней появлялись олени. Они кормились ивняком, а затем незаметно исчезали.

Места в Деревне, называемые кладбищенскими, были очень богаты не только рыбой, но и травостоем. Пожилые люди рассказывали, что попадались там иногда рыбы величиной с маленькую долбленную лодочку. По воспоминанию внучки Н.И. Поповой (88 л.) ее дед М.А. Молодцов рассказывал, как рядом с его лодкой проплыла щука длиной с его лодку, вся покрытая уже мхом. В Вычегде ловили семгу, метровую щуку, два сорта стерляди. Один вид был белым, некогда попавший в Вычегду из Камы, другой – местный, который очень ценили московские купцы, считая его лучшим, чем такая же рыба, выловленная на Волге.

Удачливым рыбаком на стерлядь был М.И. Сорвачев, на карася – М. Молодцов, которого так и звали «гыч Матвей» (Матвей карась). Знал он, когда рыба подходит ближе к поверхности. Изъя шор (каменистый ручей) был очень узким, но глубоким. Там ловили корюшку и пескаря. Зимой занимались

¹ Появление Озела относится к 1678 году, в письменных источниках зафиксировано с 1707 года.

рыбалкой. Каждый рыбак умел плести сети, мережу, ботальную сеть, у берега реки было множество маленьких долбленых лодок.

Сенокосные луга поселенцев тянулись до Озела, а также озер Энты, Лайкедж и Синдора. В бедные травой годы крестьяне добирались до Лосаса и Дорошевки. Трехозерские луга располагались в местечке, образованной в лесной протоке Кунгур. Скашивали траву с обеих сторон от Лайкеджи до Мег. Эти луга весной сильно затопляло, в половодье вода стояла долго, а после ее схода на лугах оставалось много грязи. В иные годы для скота приходилось скашивать даже дерн или собирать белый мох.

Основная часть Тентюкова начиналась от горы Зятьель, у ручья Терека, напротив прежнего расселения его жителей в местечке Деревня, и заканчивалась не дойдя до грезда Онтонпи. В дальнейшем происходило его расширение за счет маленьких деревень (грездов) Онтонпи, Ганя, Ёдöгрезд, Оников, Чоййив, Ягвив, Убор, Галика, Көтинев, Изкар, Клыков, Көдзвив. Первоначально разделял их вековой лес. Со временем они слились в одну слободку, которая вытянулась вдоль берега Вычегды более чем на шесть километров. Название села получило от центральной её части. К сожалению, деревни Онтонпи, Титовгрезд, Ёдöгрезд, Ганя, Көдзвив, Тентюково, Уборгрезд уже нельзя найти и ни восстановить территориально.

Тентюково – старинное коми село, располагалось на возвышенности левого берега Вычегды, недалеко от устья Сысолы. Первые упоминания о нем встречаются в исторических документах 1586 г. [1] как починок с одним жилым и одним пустым двором. В 1646 году он получает известность уже как деревня Тентюковская с одиночными домами и немногочисленными жителями. С 1719 года оно вошло в состав погоста Усть-Сысольск. В 1535 году в шестнадцати верстах от Сольвычегодска на берегу реки Вычегды тентюковцами был основан Николаевский Коряжемский монастырь. За селом протекала удивительно чистая речка Дырнос, берущая начало в Выльгорте и впадающая в Вычегду. В нее протекали ручьи Изъя, Яг му, Борган, получившая свое название из-за производимого им сильного грохотания. Со стороны леса впадали Терекашор, Поса шор, Сизим тьöса шор.

К Вычегде были проложены спуски у Вознесенской церкви (вичкочой), у Котинева, Кокö, Стакей, Илля, Парпан по

протекающим ручьям, по которым возили сено и дрова, с другой стороны реки. Дороги были проложены также у спуска Петрук, Мосей, Стакей, Амброс, Вася Илля, рядом с ручьем Терека. В сторону леса вели скотопогонные дороги. Их было немного, берегли пахотные земли. Сельчане сообща делали изгороди вдоль улиц грездов Убор, Матвей, Сандра, Тима, Семенов. Этими же дорогами пользовались при подвозке дров. Поближе к лесу дороги соединялись с лесовозными. Лесные дороги тянулись до Кока, Даса ручьев, а также до вильгортских болот. В Верхний Чов до поселка Юркино и Мирон ходили по Оплеснинской (Забоевской) дороге.

Спуск к Вычегде был трудным из-за частых крушений берегов, которых ежегодно размывало весенним половодьем. Поэтому вынуждены были прокладывать дороги по протекам ручьев и крутым ложбинам. Каждая деревня имела свою зимнюю и летнюю дорогу. Это Парпан, Илля, Ганя, Стакей, Амброс и другие. Для сохранности делали на них деревянные настилы, которые ежегодно подновлялись.

Сенозаготовители и рыбаки пользовались спусками Петрук, Мосей, Амброс, Васё Игё, Илля, а также дорогой, проложенной по ручью Терека, которая была красного цвета и лишенная травянистого покрова. У каждого рыбака была своя тропинка. Машинных дорог не было, а сельские были похожи на зеленый луг, особенно красиво выглядели они после дождя. Выезжали по ним только до рынка и мельницы. Обходными путями, проложенными за домами, возили дрова, сено. Лес для строительства домов сплавляли весной по большой воде из Лемью до Пильё луга. Дождавшись спада воды там же рубили срубы для будущих домов.

Место, выбранное первыми поселенцами для проживания, было очень удачным, богатым рыбой, дичью, промыслами, грибами и ягодами в окружении Вычегды, Дырноса и множества речек и озер. Относились они ко всему цветущему и растущему очень бережно. Ходили по узеньким тропам, чтобы зря не растаптывать землю. Радовали глаза чистота, все цвело, росли всевозможные лекарственные травы. Кругом благоухало, распространяя чудесные запахи цветов и трав. Вокруг шумел могучий лес, куда не всегда еще ступала человеческая нога. Тима нюр (Тима болото) находившееся за домами деревни Онтонпи, не высыхал все лето. Оттуда люди брали воду для мытья в бане, полива овощных культур. Сохранялась там вода и

на случай пожара. В местечках Ягму и Сандрёнюр, хоть они и высыхали летом, но там ничего не сажали. Сохраняли места для гумна и овина.

На влажных ложбинах хорошо росла трава. Это места в Гане, Ёдӱгрезде и перед Ягвывом. Там пасли скот. Недалеко находилась конюшня. В Кокӱ шор делали запруду, где все лето стояла вода, дети купались, катались на плоту. Воду также брали для хозяйственных нужд.

Поса шор, который протекал недалеко от Онтонпи, прославился чистой водой и своей целебностью. Для исцеления приводили туда больных детей сразу после ледохода, не спеша с молитвой мыли их, переодевали в чистую одежду, старую пускали вниз по течению, полагая, что вместе с ней вода унесет и все болезни.

К посевным полям вдоль леса было не меньше дорог. Чтобы уберечь от скота, старались пускать их по дорогам Изйӱсь (Каменистая), Матвей, Сандра, Тима, Семен, Убор, которые были огорожены классической изгородью высотой в пять рядов.

Уроженец деревни Кодзвыв журналист Л.А. Лыткин записал от своей бабушки легенду о происхождении деревень, вошедших в состав села. В давние времена, говорится в предании, эти места были глухими, шумел дремучий лес, где хозяйничали Гундыр и Ема, которые оберегали лес, землю, воду.

Однажды они заметили плывущую по Эжве (Вычегде) большую лодку. В ней сидело шесть гребцов, а один, в блестящей одежде, стоял в середине, держа в руке длинную трость. Лодка пыталась свернуть в сторону реки Сысолы, но Гундыр, увидев это, поднялся на самую высокую гору и, крикнув громким голосом, словно грянул гром, приказал: «Пришедшим сюда без спроса дорога закрыта!» Сидящие в лодке как будто не услышали его, поплыли дальше. Тогда Гундыр, рассердившись, схватил палицу и бросил её в незнакомых пришельцев, потопив лодку. На следующий год в это же время появились уже две лодки. Гундыр опять потопил их железной палицей. Возможно, под пришельцами были прибывшие в эти места люди христианского просветителя Стефана Пермского. Образ его интерпретировался по-своему, утратив религиозный характер облика и приняв демократические черты. В другом предании говорится, что он был сослан в верховья Вычегды. За его рост,

который был у него два с половиной метра, прозвали Великим. Умер он якобы от удара молнии.

На третий год Гундыр, ожидая появление незванцев, приготовил уже много железных палиц. Сидя на горе он день и ночь караулил их появление. Но однажды утром он услышал приятное женское пение и увидел плывущую по реке маленькую долбленную лодочку, в которой сидела красивая девушка. Дрогнуло сердце у Гундыра и он бросился к ней навстречу да так, словно гром загремел. На пути валил деревья ногами, сам кричал, что есть силы. Неожиданно на него налетает сильный ветер, который напустила на него Ема. На реке появляются огромные волны и в них пропадает сидящая в лодке девушка. Чтобы спасти ее прибежавший к реке Гундыр пьет всю воду и на дне находит девушку. Бережно взяв на руки, он поднимает ее на гору. Чтобы оживить, он поит ее живой водой из воронкообразного берестяного черпака. После второго глотка девушка открывает глаза, а после третьего встает на ноги. «Откуда ты, красивая девушка, как тебя зовут?» – спрашивает Гундыр. Она ответила ему, что отец с матерью называли ее Изкар, а прогнали из дома за то, что она не захотела выйти замуж за старого колдуна.

На горе зазвучала красивая песня. Поженились Гундыр и Изкар. Родились у них семь красивых сыновей, статных, стройных с именами Тит, Тентюк, Матьё, Котьё, Ганя, Онтонпи и Фрол. Каждый из них поселился на своей горе, но объединило их Тентюково, которое и стало центром формирования поселения за счет вошедших в его состав небольших деревень – (грездов), постепенно расширяя его территориальные границы. В конце села Ягвые и Чоййые проживали выходцы из близлежащих деревень с фамилиями Молодцовы, Кузнецовы, Фроловы, Сорвачевы, Прошевы, Кудиновы. В Одöгрезде и Оникове встречались жители с фамилиями Осиповы, Надеевы, Колпащиковы, Сорвачевы, Фроловы, Никитины. В Ганегрезде – Сорвачевы, Титовы, Молодцовы, Латкины. В Онтонпи – Демины, Сорвачевы, Кропаневы, Туркины, Колпаковы, Цивилевы, Шишкины. По всей длине улицы Онтонпи от поворота до поворота проживали однофамильцы, поэтому называли его Титовгрездом. Оттуда же был родом известный военный разведчик Н.Титов.

В центральной части Тентюкова жили Молодцовы, Тентюковы, Шешуковы, Малыгины, Кривошеины, Сорвачевы,

Лыткины. В Уборгрезде – Улитины, Тентюковы, Панюковы, Лодыгины, Роялины, Киселевы, Турышевы, Ладановы, Савины, Елькины, Старцевы, Туркины. Позже там поселились цыгане и место стали называть Чигангрезд. В Изкаре проживали Демины, Осиповы, Шушыковы, Бессоновы, Коданевы, Сорвачевы, Есевы, Поповы, Лыткины [3].

Речка Дырнос имела свою тайну. Для перехода через него кто-то перекинул бревно. Люди, выходя из леса и направляясь к своему дому, отдыхали там, мылись, пили воду и очень удивлялись тому, почему так долго не гниет переброшенное через речку бревно, хотя оно давно уже сильно обомшело. Однажды один мужчина решил осмотреть его снизу и был очень удивлен тем, что оно оказалось костью мамонта. Возможно много веков назад они обитали в этих местах. Кости этих животных находили также и на горе зятель. Мужчина забирает кость мамонта домой и начинает делать из него различные поделки для продажи. Слухи об этом доходят до музейных работников, которые его вынуждают сдать находку в музей. Она хранится там и сейчас. Вода в Дырносе была настолько чистой, теплой, что на дне можно было разглядеть ее обитателей. С утра до вечера проводили там свое время дети всех возрастов, купались, плавали, ловили мелких рыбок. Малыши выбирали себе неглубокие места, постарше – поглубже. Дети пугали друг друга вьюнами, которые якобы могли через какую-либо ранку проникнуть в организм.

С речки Дырнос у детей начиналось знакомство с малой родиной, чувство привязанности и любви к ней. Она на всю жизнь оставалась в душе каждого ребенка своей чистотой, теплой приятной водой и находящейся рядом поляной с полевыми душистыми и яркими цветами.

От речки Дырнос до деревни Онтонпи располагалась небольшая низина, называемая Ягмушор. Весенние воды сильно заливали её, приходились делать даже отводные канавы. Там хорошо росла малина и земляника. Весной лакомились и появляющимися на ели севрюгой. Недалеко от этих мест находился птичник, называемый Левё Иван йёр, где содержали кур.

За речкой Дырнос дороги разветвлялись на лесные, которые поддерживались и охранялись сельчанами. Чтобы скот не портил грибные и ягодные места, а также не заходил в глубь

леса, на расстоянии двух верст заваливали дороги сосновыми и еловыми лапниками, порослями молодых деревьев.

На территории нынешнего телецентра было болото – Трёп нюр, откуда весенние воды протекали в Вычегду мимо дома Клыкова и Петьё Кольё. Сельчане примечали, что если вода из Троп болота начинает пробиваться к Вычегде, значит она скоро вскроется.

Река Вычегда была богата самой разнообразной рыбой, заплывала даже семга, которую опытные рыбаки изредка ловят еще и сейчас. Рядом с ней был залив, древняя протока реки Сысолы. Там в избытке водились щуки, лещи, ерши, ельцы, плотва. Рядом в небольших водоемах обитали раки, которые в теплые дни цеплялись за ноги. Дети и женщины ловили их, а также щурят, платками. Заготавливали в сушеном виде на зиму. Вдоль берега реки подбирали «чертов» палец (белемнит), скоблили и насыпали на рану.

Жители Тентюкова получили статус мещан за трудолюбие, хозяйское и бережное отношение к природе. За это их уважало местное начальство. Если слободские вступали в какой-то спор с тентюковцами и дело доходило до начальства, то жителей села всегда оправдывали. Существовало поверье, что брать в жены слободскую девушку это ущерб всей семье.

Все лето скот держали в лесу в небольшом хлеву на пастбище (Митьё гид). В загоне Кирё Ваньё держали телят. Вместе с коровами находились лошади, овцы, на ночь которых запирали в хлеву.

Лесные дороги были проложены до Колы, Даса шора, вильгортских болот, а также до Верхнего Чова, Юркин и Мирон хозяйств. Это были не заселенные людьми места, но славилась ягодами и грибами. В сторону леса от Онтонпи имелись разработанные участки, которые тянулись от речки Дырнос. Там сеяли зерновые культуры. К лесу, а также к посевным полям дорог было меньше, берегли землю от излишних стаптываний. Для подвоза дров или строительного леса сельчане пользовались дорогами Изъя шор (Каменный ручей), Убор, Тентюково, Матвей, Сандрё, Улыс му (Нижняя земля).

На месте скотного двора, рядом с нынешним магазином «Макси», росла березовая роща, богатая красноголовиками и ягодами. Бабушки водили туда детей, чтобы они научились хорошо ориентироваться в лесу, не блуждать, а также умело собирали дары леса.

Богатые лесопромышленники Забоев и Оплеснин организовали в Верхнем Чове лесопилку, где работали в основном жители Тентюкова. Они же по собственному заказу сделали широкую дорогу, назвав ее именем заказчика – Оплеснин. Люди догадывались об их богатстве, которое после революции перешло государству. Немного золота якобы удалось украсть у них одному тентюковскому жителю, который работал у них управляющим. На это золото он построил дом себе и своим детям. Украденное золото он хранил под вековым дубом, который рос на береговой круче напротив его дома. В 1940-х годах дерево разорили из-за шишек, а затем оно сгорело. После революции предприятие перешло государству. Позднее из леса, растущего в В. Чове, изготавливали кору для легких саней. Искали вдоль берега реки дугообразные деревья для строительства судов и барок, а также шпал для прокладки железной дороги.

В 1919-х годах направляли для работы в лесу взрослых и даже детей, колхозников и служащих. По воспоминаниям долгожительницы К.И. Кудиновой она, еще одна девочка и два парня 10-12 лет сплавляли плот до Айкино. Весной сельчане нанимались в артели сплавлять лес до Архангельска (Кордордз). Покупателями леса были «Англолес» и «Голландлес». Со сплавщиками расплачивались сапогами и продуктами.

В 1930-31-х годах вдоль берега Вычегды от Пиле луга до Парпана стояли одни сплавщики. Около местечка нефтебаза под росшими над кручей елью сидели сельчане и ждали, когда позвут помочь отправить плоты «Англолесу» или «Голландлесу».

Сельские жители получали из древесины всевозможный строительный материал. Срубленный в Лемью лес сплавляли до Пильё луга или до Парпана и там плотники у берега реки пилили продольной пилой тес, доски и плахи. В течение лета сушили и до первого снега отвозили до места, где намечали строительство домов.

Местные мастера изготавливали кирпич. Небольшой завод по его производству был у П.П. Кузнецова по дороге на Нижний Чов. В настоящее время это место известно как поворот на Човью. Последняя партия кирпичей была изготовлена в 1930 году. Кирпичи подвергались обжигу, были очень высокого качества, блестели со всех сторон как глазурь. Сложенные в

печи кирпичи не прогорали. При ударе не ломались, лишь отскакивали искры. Даже после строительства нового дома переносили их туда.

В конце XIX – начале XX века товарно-денежные отношения у жителей села находились в зачаточном состоянии. Добывали себе пропитание охотой, рыболовством, земледелием, обрабатывая землю подсеčno-огневым способом. Для зерновых культур земли было мало, поэтому использовали склоны, скаты к реке, любые участки, пригодные для этого. Повсеместно сеяли ячмень, рожь, овес, черную северную пшеницу. Урожаи были неплохие. Огородничество было развито слабо. Картофель, местный урожайный сорт, сажали как огородную культуру на грядки. Выращивали также редиску, капусту, репу, галанку, свой сорт красного лука.

На выезде из Ягвыва по дороге в Нижний Чов на речке Дырнос была мельница. Вокруг стоял густой вековой лес, тропа была проложена до Слободы. Однако ее постоянно разрушали весенние воды. Крестьяне вынуждены были забросить ее и по очень узкой, лесной дороге ездить в Нижний Чов. Мельница там была основательной, не трогала ее весенняя вода. Место для ее строительства указал якобы Шыпича, ее владелец, и прочно закрепил ее колдовскими заговорами. Сам он приезжал туда на тройке лошадей. Когда искали его в городе, чтобы убить, он прятался там в кадке с водой. Местные жители видели его у мельничного пруда.

Вся верхняя и нижняя одежда тентюковцев до начала XX в. была домотканой, поэтому для личных нужд высевали лён и коноплю. Эти растения очень любили клевать птицы. Чтобы прогонять их делали чучело, которое называли «пыш му вивса полёкалѡ» (пугало на конопляном поле). Эти растения использовали также на хозяйственные нужды, изготавливали дратву, нити, веревки, шили мешки и т.д. Охотники и рыболовы мастерили снасти из кудели льна и конопли. Процесс был долгим и очень трудоемким. К такой работе приучали с детства девочек, которые пряли и вязали из них нужные для хозяйства вещи.

Развивались местные промыслы. Кустари-ремесленники занимались кузнечным, сапожным, кожевенным, дегтярным, плотницким, столярным производством. От начала и до конца они производили продукцию с помощью членов своей семьи, без привлечения наемной рабочей силы.

Организовывали артели по выделке кожи. Некоторые предприниматели, например, К.П. Титов, закупал у населения шкуры и с помощью наемной силы выделял их. Но из-за больших налогов он вынужден был прекратить свой промысел. Новая власть отобрала у него все, а также построенный им добротный дом, открыв там школу для младших классов. Некоторые, так называемые мясники, закупали в своем селе и в других местностях скот, а затем торговали готовой продукцией, получая неплохие прибыли. Однако все они впоследствии были раскулачены.

Наиболее крепким было хозяйство у И.К. Фролова. Заводик его имел четыре чана, куда вода для выделки кожи поступала из колодца по самодельным деревянным трубам. В конце XIX века в Тентюково было семь дегтярных артелей и пять заводов по выделке кожи. Постепенно кто-то разорился, кого-то раскулачили, а с организацией колхозов уже не оставалось частных артелей. Дорожили своим мастерством сапожники. Их уважали за качественно сшитую обувь. Работали они как в артели, так и на дому, справлялись с заказами, обували также и всю семью.

Небольшие сараи по обработке кожи были у Н.О. Цивилева и А.В. Цивилева. Доход был неплохой. На получаемые деньги они смогли построить себе дома. Среди мастеров кожеобработчиков выделялся старший брат у всемирно известного ученого, лингвиста В.И. Лыткина Петр Ильич Лыткин. Из обработанной кожи местные сапожники шили обувь. Остававшуюся шерсть не выбрасывали, а делали из них матрацы. На основе этих производств после революции в Тентюково организовали ремесленные артели. Была открыта сапогопошивочная мастерская, где могла получить профессию молодежь. Шили обувь для сплавщиков. Но с созданием колхозов артели закрыли.

Единоличники занимались производством дегтя. Оберегая хорошие земли, для этого выбирали места на склонах реки и ручьев. Деготь получали из березовой коры, собранной весной, когда она легче отделялась от дерева большими пластами. Укладывали бересту в печь, двери замазывали глиной, чтобы избежать пожара. Внутри печи она сплавлялась и через специальное отверстие стекала в бочку. От начала и до конца всем процессом занимались члены семьи, без привлечения наемной рабочей силы.

На противоположном берегу ручья Поса построил свой дегтярный завод А.М. Сорвачев, обустроив все для успешного производства. Было у него два сына и пять дочерей. Работали своими силами до весенних полевых работ. Однако после создания колхоза свое предпринимательское дело пришлось закрыть С.Т. Сорвачеву, В.А. Постникову, И.В. Дёмину и некоторым другим, которые занимались дегтярным производством между сезонными сельхозработами.

Дегтем торговали в небольших близлежащих деревеньках. С ночлегом отправлялись подальше. Брали кого-то из детей, чтобы те обходили дома и сообщали о приехавших торговать дегтем. Приходили покупатели и сами из Слободы. Заодно приводили с собой для продажи бересту.

Кустарную продукцию можно было реализовать на рынке, который находился на территории нынешнего Кировского парка, а также на ярмарках Усть-Сысольска, которые ежегодно проходили с 24 сентября по 4 декабря на Георгиевской ярмарке, куда съезжались купцы со всей округи и даже Москвы. Особенно охотно закупали меха, местную стерлядь. Частично продавали товар в близлежащих селах и деревнях. В ярмарочные дни приносили столько продукции, что приходилось укладывать их поленицей.

Известным торговцем в деревне Онтонпи был отец ученого математика, поэта Николая Адриановича Фролова, автора стихотворений и поэм, а также исторической драмы «Шыпича». Сюжет им был взят из рассказов и преданий местных жителей. Товар он хранил в амбаре, там и продавал его. Продукты взвешивал безменом. Таких торговых точек в начале XX века в Тентюково было четыре.

Постепенно пришлось убрать с колхозных земель все постройки. Сапожную мастерскую перевели в город. Новое название у него было «Красный сапожник». Там еще долго работали тентюковские мастера по пошиву и ремонту обуви. Сапожные мастера шили сапоги для хозяйственных нужд, а также модельные. С наступлением ранней осени начинали обходить крестьянские дома пимокаты. Они скатывали валенки, серые или белые, очень добротную и комфортную обувь.

Практичность сельчане проявляли в хозяйственных делах. Из глины делали различную утварь для домашнего обихода. Все было деревянное: сохи, шайки, ведра. Из бересты изготавливали туеса с крышками разных размеров, черпаки,

пестеря, кузовки, из ивовых прутьев плели посуду для хлеба. Славился своим мастерством Ичѳт Ёньѳ (Маленький Андрей А.И. Молодцов). В домашнем обиходе пользовались его лопатами, метелками, коромыслами (карнан). Знал он и кузнечное дело. Титов Илья Андреевич строил лодку из осинового ствола. Сани и санки мастерил А.А. Молодцов (кѳч Ёльѳксан).

Кустари-ремесленники занимались кузнечным, дегтярным, плотницким, столярным производством. Строительный материал местные плотники заготавливали на берегу Вычегды.

Артелью рыбачили на Вычегде и курье, а также на старой протоке противоположной стороны Вычегды в местечке Петыр Кола. Ловили только в положенные сроки семгу, стерлядь, щуку, мелкую рыбешку выпускали обратно в реку. Попадались рыбы очень больших размеров. Некоторые ловили только какой-нибудь один вид. Хорошо знал повадки стерляди М.Сорвачев, карася – М.Молодцов, который даже получил прозвище «гыч» (карась) Матвей. В ручье «Изья шор» (каменистый ручей) ловили корюшку. Популярен был и зимний лов.

Удачные промысловики охотились на определенные виды лесных зверей. И.В. Демин мастерски подстреливал белок, К.М. Сорвачев умело ловил зайцев. Успешно ловили тетеревов и куропаток В.И. и А.М. Сорвачевы. И.В. Демин прославился и как рыбак. Улов с реки приносил ведрами как из своего погреба, но очень боялся сглаза, поэтому добычу всегда прикрывал сетью. Совсем другим был Д.Сорвачев (Савич Митрей) из Одэгрэзда. Своей внешностью он был похож на богатыря. Шаньгам он предпочитал ржаной каравай величиной с круга ручного жернова, который съедал за один присест. Выловленную рыбу вываливал в широкую посуду и приглашал соседей, чтобы они брали себе сколько надо. Вместо денег просил, чтобы они пожелали ему удачи в промыслах. Отличался он и своей силой. Его земельные участки носили название «Савич», которые он расчищал для своих дочерей вдоль ручьев, выдергивал мелкую поросль с корнями.

В ручье «Изья шор» ловили корюшку. Популярен был и зимний лов. Доходов от продажи своих продуктов было мало, но все же удавалось жить в достатке. На вырученные деньги покупали чай, сахар, керосин, спички, соль.

На утреннюю и вечернюю службу сельчане из Онтонпи и близлежащих деревень ходили в Воскресенскую церковь. Некоторые посещали кирульскую тюремную церковь. Для прихожан вход был со стороны улицы, а со двора приводили осужденных, которые размещались на антресолях. Во время службы прихожане передавали им гостинцы даже тем, у кого не было там близких. Те благодарили их, просили милости у Бога добродушным крестьянам.

Церковь «Воздвижения» пользовалась уважением у жителей Чоййыва и Ягвыва. Там соблюдали все службы, был хороший хор. В молодости на клиросе пели муж и жена Алексей Васильевич и Елена Кузнецовы.

Служители церкви каждую весну проводили освящение лугов и пашен. Сопровождавшие их миряне длинной вереницей с иконами и знаменами (зіб йыв спас) спускались к реке. На лодках переплывались на другую сторону, где на лугах начинался крестный ход до того места, где Вычегда соединялась с Сысолой. Там собирались жители со всех близлежащих деревень, а затем следовали по полям и лугам. Со звоном церковных колоколов и песнопениями доходили до установленного у поворота в О니ково креста. Там все вместе молились, обращаясь к Богу с просьбой дать крестьянам побольше сена для прокорма скота, чтобы град не побил посевы, уберег дом от всяких несчастий. Просили также здоровья всем православным. После совершения обрядов в сопровождении церковного колокола, который несли на жердях два крепких мужика, возвращались в церковь. Время от времени их подменяли. Мастером звонить в колокол был Иван Харлампиевич Малыгин (Карлам Иван).

Отец Михаил (Микайлö поп), настоятель Воскресенской церкви, в каждую пасху обходил свой приход от дома к дому. За ним следовали подводы, куда собирали подношения батюшке: домашнюю выпечку, масло, яйца, творог, куличи. Однако очень печальным был конец его жизни. Вместе с купцом И.П. Комлевым его арестовали, отвели в сторону леса и заставили вырыть для себя могилу, а затем убили их выстрелом из пистолета. Старушки, наблюдавшие за ними, запомнили место захоронения и стали приходить туда на поминки. Позже на этом месте был построен скотный двор подсобного хозяйства НКВД. Там же недалеко в местечке «Лагман» хоронили умерших строителей железной дороги.

В Воскресенской церкви служба продолжалась до 1937 года. По преданию напротив нее в реке Вычегда обитала нечистая сила Няксимволь, васа (водяной дух). Рыбаки утверждали, что если там бросить сети, то она не даст вытащить их сразу обратно. Приходилось ждать до рассвета, закрепив их колышками.

Высоченные ели росли у карников. Так называли место отдыха, обзорную площадку над крутым берегом Вычегды, где можно было наблюдать и восхищаться окружающей природой. Оттуда видны были просторы Заречья до самого горизонта. В хорошую погоду просматривались деревни Сёйты, Визябож, Зеленец, а также некоторые церкви соседних поселений. У человека, стоявшего там, создавалось впечатление парения.

Весной приходили туда смотреть ледоход. Пожилые рассказывали, когда и где протекала Вычегда, как она трижды меняла свое русло. Сысола якобы раньше протекала по тентюковской курье. К сожалению, с расширением города, строительством многоэтажных домов остались потомкам обвалившиеся грязные обрывы по берегам Вычегды, наполненные грязью ложбины.

Жители села также уважительно относились к накопленным предками жизненным опытом различным знаниям об обрядовых действиях, календарным праздникам, а также связанных с ними мифологическими представлениями, образами и мотивами. Все это долгие годы хранилось в памяти пожилых людей. Историко-культурное наследие свидетельствует о том, что сельчане четко соблюдали календарную обрядность, отмечали церковные праздники, посты, посещали церковь. Верили также в колдовскую силу, порчу, боялись нечистых духов.

С завершением сельскохозяйственных работ заканчивался и осенний календарный период, наступал зимний. После уборочных работ готовили чомёр. Ели обрядовые блюда, приготовленные из конопляных семян, толокна, ячменной муки, полученной из нового урожая. Пили сладкий напиток «чужва», густой и крепкий, ырõш – свежий душистый квас. Стол обходили яндовой. Мужчинам наливали сур (пиво), настоенное на хмели. Ели мучные шаньги, с начинкой из картошки, ягод, крупы, творога. Устраивали ритуальные бои, где участвовали парни и мужчины. Доходило до того, что дрались жердями, вытащенными из изгороди.

С 1 октября начинались молодежные посиделки (войпук). Они приурочивались к христианскому празднику Покрова Богородицы и продолжались до самой Масленицы, до февраля–марта, за исключением рождественского поста. В это время девушки овладевали мастерством рукоделия, знакомились с молодыми людьми, переходя в статус невест, пели, участвовали в играх, танцевали и веселились, выбирали себе суженых узнавали для себя много нового из жизни настоящего и прошлого.

Для молодежных посиделок арендовали в Ягвыве (конец Тентюкова) помещение у Рысь Александра. Расплачиваться он просил только творогом, денег не брал, поэтому получил прозвище «рысь» (творог). На вечеринки приглашались девушки и парни из соседних деревень. Там же устраивали в сарае или во дворе качели на 8-10 человек. Их делали и на горе Зятьель, по сторонам которой громко журча протекали ручьи Кокё и Прокё. С высоты этой горы хорошо был виден Кодзвыв.

Обряды и праздники осенне-зимнего и весенне-летнего цикла соотносились с годовым православным календарем. Комплекс зимних развлечений включает Рождество, Крещение (ва веждём). От Васильева дня до Крещения все были увлечены гаданием о предстоящем годе, новом урожае, о событиях личной жизни. Проводились они как в крестьянском жилище, так и на улице, перекрестке трех дорог при обязательном условии. Одна дорога должна была вести в лес, другая – к колодцу, третья – к проруби. Негативное значение приписывалось колодцу, овину, мельнице, заброшенным домам, особенно тем, где произошел какой-нибудь несчастный случай. Очертив вокруг себя круг и накрывшись скатертью, прислушивались к доносящимся звукам, которые могли якобы предсказать будущее. По различным религиозно-мифологическим понятиям дом, как и вся традиционная жилищная среда, окружающее пространство, регламентировалась по принятым в крестьянской среде правилам. Все наблюдения и результаты гаданий имели локальный характер, интерпретируясь с бытовыми обстоятельствами. Чтобы узнать о предстоящем в новом году жгли бумагу и смотрели на получившееся изображение. Замораживали в ложке воду и старались угадать по форме изображения, что может предстоять. Гадали с зеркалом, пытаясь увидеть в нем суженого. В стакан с водой опускали

кольцо и вглядывались в него. Совершали ритуальный обход крестьянских домов. Славить ходили накануне Нового года, в первый день Рождества. О посещении сельских дворов ряжеными сохранялись лишь отдельные эпизоды. Обряд не имел сценария. Участники были свободны в своем поведении, сохранялось лишь стремление к неузнаваемости, когда неожиданно они врываются в дом. В Кодзвыве (Париж) информатор сообщала, что если среди ряженных была девочка, ее сажали на подушку, чтобы лучше неслись куры.

Стоя на улице под окнами крестьянского жилища прислушивались к разговору в доме. Люди, зная об этом, старались сказать что-нибудь неприятное. На Васильев день пересчитывали деньги, чтобы их было много. Именно в этот период наблюдается вторжение хтонического начала в земную жизнь, активизируется действие различной нечистой силы.

Чтобы узнать, в какую сторону девушка выйдет замуж, ей завязывали глаза и три раза прокручивали. Затем она должна была через голову бросить какой-нибудь предмет, по направлению которого и определялась ее дальнейшая судьба. Писали также на бумажке мужские имена, в полночь выходили на улицу и подбрасывали вверх и пытались поймать одну из них. Клади такие записки под подушку, а затем вытаскивали одну. Гадали с зеркалом, в которое вглядывались в полночь, пытаясь разглядеть лицо суженого. Насыпали золу около калитки и рассматривали оставленный там след, такое же гадание проводили перед входом в голбец на ее верхних ступеньках, насыпали золу на печную заслонку и произносили: «Куль, мути, мути!». Кроме гадания молодежь каталась на санях, хозяйки готовили ритуальную пищу, а также ходили по домам и колядовали.

Новогодние и связанные с ними действия завершались в праздник Крещения, обряды которого были направлены на защиту дома, жилых помещений и хозяйственных пристроек, проживающих там людей, домашний скот от нечистой силы. Постепенно он утрачивал комплекс традиционных ритуалов и связанных с ним действий. Но следует отметить, что еще удерживается вера в освященную воду и купание в проруби, в которой вода в этот период бывает якобы святой.

Перед Крещением до захода солнца необходимо было закончить всякую работу вне дома, занести дрова, воду, корм для скота. После этого закрывали уличную дверь на крючок до

утра, чтобы бес не смог попасть в дом. Стучавшего в дверь спрашивали «код крещенной» (кто крещенный). Если отвечал «крещенный» и называл имя, можно было открыть дверь.

В обрядах новогоднего цикла переплелись как до христианские, так и церковные представления. Непременной атрибутикой во время Крещения был спасительный христианский крест. Его рисовали везде, на дверях, окнах, в помещениях для скота и других хозяйственных пристройках.

Праздник Крещения был для крестьян одним из главных. Отмечали его ежегодно и повсеместно. В Чоййиве один и тот же человек, большой мастер изготовления купелей, в течение многих лет вырубал на реке Вычегде иордань в виде креста. Сначала снимали определенной толщины лед, затем у основания креста делали чашу, чтобы она наполнилась водой от одного удара топора, проломив тонкий слой льда. Со словами «Во Иордане» вода фонтаном наполняла купель, стремительно растекаясь по кресту. Толпа окружала крест-иордань. Священники служили службу. Певчие, стоявшие у чаши, помогали им. Сельчане спускались к реке, некоторые купались там ежегодно.

В Крещенье на освещенной воде (вежа ва) выпекали из ржаной муки колобки и калачи. Их нанизывали на веревку и вешали в укромное место, обычно на стенку у спуска в голбец. По мере необходимости давали домашнему скоту в качестве лекарства при болезнях. Ели также сами, но с расчетом, чтобы хватило до следующего Крещения. Освещенную воду доливали в кадку с водой. Когда ее мыли, оставляли часть воды, чтобы потом добавлять ее обратно туда. После чистки также выливали святую воду в колодец, которая становилась очень чистой.

В качестве оберега поперек кадки с водой накладывали лучину (вуджёр) в виде креста, служившая и своеобразной защитой от нечистой силы. Все это было предупредительным знаком, указывающим на нежелательное проникновение сверхъестественной силы в сферу хозяйственной и бытовой жизни человека.

В это время полагали, что вместе с нечистой силой активизировали свою работу колдуны, еретики, демонические существа, деятельность которых была направлена на порчу людей, домашний скот. Представителями нечистой силы являлись и кутьтяс, кутьтя войсаяс, которые якобы вторгались в это время в земную жизнь крестьян. Двери, пороги дома, печи

и печные трубы, через которые могла проникнуть нечистая сила, наделялись дополнительной семантической нагрузкой и нуждались в особой защите.

В страстной четверг в доме проводили окуривание (очищение), выгоняли бесов (омо́льсяс). На металлическую посуду клали из печи горячий уголек, кусок церковной свечи, ветку можжевельника. Все это начинало тлеть, получалось задымление. С этой посудкой обходили все углы в доме, коридор, сарай, коровник с молитвой: «Господи, Иисусе Христе, избавь, оберегай от хвори и нечистой силы». Переходя через порог, отделяли от него кусочек дерева и также клали в дымящую кучу.

Особый интерес представляют остатки древних обрядов и обрядовых действий, которые сохраняли дохристианские верования. Жители Тентюкова называли нечистую силу, вера в которую была повсеместной, вежа войса, кутьте войса, проявлявшие свои действия во время новогодних праздников и Крещения. Их изгоняли из жилых помещений обрызгивая святой водой двери, укромные места, произнося молитву. Святой водой освящали детей, пожилых людей, животных.

В деревне Онтонпи окуривали (тшыно́длісны) малолетних детей. Их ставили в один ряд под матицей голыми до пят, мальчики опускали рубашки до колен. Бабушки новой печной метлой из пихтовых веток (пач чышкан лыс), держа древко за конец, водили горячей дымящей метлой стоящих рядом детей вдоль ног снизу до колена и выше каждого. При этом обращались к Богу со словами молитвы, чтобы дети хорошо росли, были здоровыми, не болели. Кто болел, она называла его болезнь и просила Бога помочь ему выздороветь.

С детства также учили детей произносить заговор на зуб, когда у них выпадали молочные зубы. Нужно было произнести: «Меным лы пинь, шырылы яй пинь» (Мне костяной зуб, мышке – мясной). Во время мытья в бане детей также произносили заговоры, направленные на пожелание благополучия и здоровья.

Важное место в жизни крестьян занимала баня, которая имелась в каждом хозяйстве. Строили их вдоль откосов, оврагов, на косогорах. В старинных банях печь складывали из тщательно отобранных серых камней, от которых не угорали. Бани были черные, в которых повсюду висела сажа. Позже стали строить их по белому. На печь каменку устанавливали

трубу, в качестве которой служило дуплистое дерево. Окошко было без стекла с раздвижным дощатым ставнем. На каменную кладку устанавливали обычный котел, который служил и для варки капусты. У некоторых имелись нювчимские литые корыта, а также разная посуда для холодной воды. Для мытья ведра, кадушки, шайки были деревянными.

При топке дым наполнял помещение бани, постепенно выходя в наружу через специальное отверстие, которое затем затыкали. Несколько раз парились березовым веником, выходя отдохнуть в предбанник. Женщины мыли голову щелоком, водой, настенной на печной золе.

В бане можно было не только помыться, но и избавиться от нечистой силы. Если человек необдуманно произносил слово «повешусь», нечистая сила начинала требовать исполнения сказанного. В таком случае необходимо было жарко натопить баню, взять березовый веник, веревку и отправиться туда, оставляя след от шагов. Хорошо вымыться, нахлестаться веником и одеться. Березовый веник повесить на веревке к матице. Дверь бани закрыть и идти домой, ступая шаг в шаг в свой след задом наперед, чтобы бесы, увидев след, зашли в баню и помогли сделать задуманное. Утром можно было увидеть разодранный веник. Нечистая сила расправляется с веником вместо человека. После этого больше никогда нельзя повторять не угодные Богу слова.

Колдуны чаще всего использовали баню для передачи другому лицу свою колдовскую силу, сопровождая это особым обрядом и ритуалом. Непременно отрекаясь от Бога, должны были якобы съесть блеватину.

Оника Татьяна, славившаяся колдовской силой, приглашает помыться в бане с ней свою соседку. Как только она попала туда сразу же исчезли входная дверь и окно. Только после того, как она начала громко кричать, появились дверь и окно. Зная о проделках колдуны, соседи произносили, если она заходила к кому-нибудь: «О, зэв бур гость локтіс» (О, какая хорошая гостья пришла), Встречи с ней старались избегать.

Вода считалась сферой обитания нечистой силы. Известный колдун Шыпича, спасаясь от своих врагов, которые пытались убить его, приезжая на мельницу в Н. Чов на тройке лошадей. Там его и видели у мельничного пруда. Сам он якобы прятался в кадке с водой. Убить его можно было только по неблагоприятным для него обстоятельствам.

Колдовскую силу знахари получали таинственным путем. Унаследовав такое «ремесло» они приобретали возможность общаться с нечистой силой, но становились необщительными, сторонились людей. Деятельность свою они направляли в нанесении вреда человеку, животным, хозяйству. Могли испортить у охотников ружье, собаку. Если они передавали человеку какую-нибудь болезнь, то вылечить его было невозможно.

Свой вред они осуществляли с помощью так называемой шевы, представляющей из себя материальное, живое существо, которое незаметно передавали человеку разными способами. Держали их в бураках и хранили чаще всего в сарае или голбце. Проявляли о них большую заботу. Услышав, что с ними что-то случилось неладное, колдуньи сразу же появляются там. Это существо, попав в организм человека, начинает разговаривать от имени того, кто их содержал.

Тентюково славилось как село колдунов. Их было по несколько человек в каждой деревне. Некоторые обладали якобы такой могучей силой, что могли расколоть землю (потко́дны), топнув ногой, или приподнять ее. Одна из таких проживала в Гане. Колдунов все сельчане знали в лицо, которых подразделяли на знахарей (то́дысь), тун (предсказатель), тшыко́дчысь (портящий), нимкыв видысь (знающий заговор), пель пасы́сь (ставящий метки на уши животных).

У колдуньи Евсталии сноха Маша во время уборки в сарае обнаружила в бураке маленьких шевелящихся существ. Были они разного цвета красные, зеленые, как только она приподняла крышку бурака, сразу же прибежала Евсталия и стала оправдываться. Якобы там оставалась рыба, которая испортилась.

Люди верили, что как только шева попадает в организм человека, то сразу начинает разговаривать. Люди боялись прикосновения к ним колдуны, которые таким образом могли нанести вред, похлопав по плечу или спине. Особенно боялись сглаза новорожденного ребенка. Оберегали его с помощью заговоров. Крестили после двух, трех недель от рождения и получал он свое имя.

Как человека знающего (то́дысь) знали и Як О́льош Петра. Тентюковские женщины во время войны ходили к нему в надежде узнать что-нибудь о судьбах воюющих на фронте мужьях.

Рассказы о еретиках, колдунах тематически разнообразны, но сводятся чаще к тому, как они наводят порчу на своих соседей, хозяйство, домашний скот. Человек, получивший известность как шева, сторонится людей, не смотрит прямо, всячески старается отвести свой взгляд в сторону, так как якобы по зрачку можно было определить его причастность к представителям нечистой силы. Человек отражается в них перевернутом виде.

Мать у порсь Марьи (свинарки Марьи) также считали колдуньей. При передаче своего «дара» внучке, она довела её до помешательства, которая в последствии так и не смогла вылечиться. Колдуны передают свои «знания» перед смертью. В фольклорной традиции говорится, что колдуны умеют заговаривать сусло, останавливать лодку. Сохраняя свою неуязвимость, способны перевоплотиться в большую щуку, медведя с широкой пастью и т.д.

К сложному комплексу обрядовой поэзии относилась и коми традиционная свадьба, состоящая, как и русская, из строго регламентированных частей. Изменения в культуре, в быту значительно способствовали забвению, не соблюдению сложившихся в прошлом данного сложного драматизированного феномена. Постепенно исчезли обрядовые действия, образец причитания невесты удалось записать В.И. Лыткину от своей матери в начале XX века. В 1958-59 гг. известный фольклорист А.К. Микушев записал в с. Тентюково от Есевой Л.О. и Клыковой А.А. свадебные причитания бане, девичьей косе, матери, которые были исполнены еще в традиционно-обрядовой стилиевой форме.

Девушка должна была заранее собрать приданое к своей свадьбе. Родителям будущего мужа невесте полагалось приготовить домотканую одежду, мужу – рубашку, свекру – рубашку и штаны, свекровке – сарафан. Приходилось отдавать и корову. Кутькина А.М. вспоминала, что за девушку просили в качестве приданого луга, скот. У русских на свадьбе исполнялись соответствующие обряду песни, у коми функции их выполняли причеты невест или воплениц, которые не имели застывших канонических форм, что расширяло возможности для творческой фантазии.

Шитова А.А. (70 л.) сообщала, что во время проведения свадьбы от церкви до самого дома по одной стороне дороги втыкали палки и вешали на них полотенца, красивые

материалы, платки. В доме жених должен был выкупить невесту деньгами, на которые подруги невесты покупали подарки. Они же приносили елку, которую украшали лентами, бусами. Елка символизировала девичью красоту.

В комплекс свадебного обряда входили и магические средства его защиты. С целью уберечь от сглаза по сообщению Богдановой Н.И. (80 л.), в свадебное платье невесты втыкали иголку без ушка. Попова Н.А. вспоминала, что во время венчания жених и невеста становились на ленту, чтобы жизнь у них проходила по одному пути. Во время свадебного пира их также связывали лентой.

Различные жанры традиционного фольклора показывают жизнь людей в разных аспектах. Фрагментарно живы еще некоторые жанры, но ушли в забытие сугубо локальные образцы традиционного фольклора.

Процесс жизнедеятельности крестьянской общины в ходе бытовой и хозяйственной жизни отражали календарные праздники годового цикла. Устойчиво сохранялся набор отмечаемых сельской общиной праздников, а также сопровождавших их обрядов. Каждый из них содержал особый смысл, имеющий связь с жизненными обрядами и действиями, соответствующими с определенными природными циклами. Свободные дни у крестьян выпадали на христианские праздники. Устойчиво сохранялся набор отмечаемых праздников, которые отражали сезонные изменения, а также жизненный цикл сельчан.

Масленица была главным праздником у будущих рекрутов. В этот день они показывали свою удаль. На собственных подводах отправлялись в город и присоединялись к катающимся по большому и малому кругу. Если кто-то из них задевал у горожан дорогие сани, за это не получали они никакого наказания.

В Егорьев день 6 мая отмечали начало скотоводческого и земледельческого года. С первым выгоном скота после зимы на пастбище совершали обрядовые действия, сопровождаемые молитвами и заговорами с целью сохранения их здоровья. Христианские святые Юрий (Егорий), Фрол, Лавр, Микола (Никола) заменяли функции местных скотских божеств. К ним обращались как покровителям домашних животных, заступникам и хранителям. Оживлялись в этот день в своих коварных действиях колдуны и еретики. Пытались отнять у ковров молоко.

Календарные праздники помогали поддерживать общий ритм жизни, сопровождая их также увеселительными играми, песнями, соответствующей праздничной культурой. После Егория отмечали Троицын день. В церкви освещали березовые ветки, первую появившуюся зелень, символизировавшую пробуждение природы. В этот же день совершали поминальные обряды. Угловой столик, где обычно находились иконы, книги религиозного содержания, молитвенники, украшали вышитым полотенцем, туда же помещали освещенные веточки березы. Перед иконами зажигали масляную лампадку и молились там стоя или опустившись на колени.

На Троицу девушки и юноши старались угадать свое будущее, предстоящее замужество. В ночь, перед праздником, девушки ложили под подушку шапку-ушанку и произносили пожелание увидеть во сне суженого.

Праздник Иванов день в селе называли Богородицей. Отмечали его в деревне Онтонпи и Ягвыве. Все в домотканых одеждах, парни в хромовых сапогах. Шли по всей ширине дороги, начиная от Тима Микул до Яко́ Ольош Степана с песнями, впереди гармонист, а за ним пляшущие и кувыркающие парни, время от времени подменявшие друг друга. Пройдя какое-то расстояние, образовывали круг, в середине которого оказывались девушки и женщины. По воспоминаниям старожилов, в Онтонпи знали толк в проведении праздников.

Накануне этого дня выходили на сенокос, вечером парились в бане новым березовым веником из веток березы, рябины, с добавлением купальницы и других цветов. После мытья в бане веник бросали в реку. Если он тонул, то предсказывал возможную смерть. По воспоминаниям Н.А. Поповой (63 г.) веник бросали и на крышу бани, также угадывая будущее.

В проведении праздников произошли изменения при организации первых колхозов. Их стали отмечать в здании школы. Начинали с хоровода, двигались по кругу и все в один голос пели песню «Каравай». Затем переходили танцевать кадрили. Стоя парами друг против друга ждали, когда гармонист исполнит песни «Ах вы, сени, мои сени», «Коробушку», «Во саду ли в огороде». Убыстряя или убавляя темп, двигались пара за парой. Если не знали все слова песен, импровизировали, как бы доводя их до конца.

В день урожая, отмечаемый также в школе, пожилые старались показать, как они веселились в молодости. Акулина и Алексей Михайлович, муж и жена, любили петь песню «Вы не вейтесь, русые кудри»

В селе Тентюково любили хоровое пение. Вечерами во время сенокоса на противоположной стороне Вычегды собирались около костра работающие так люди и пели старинные песни, которые слышны были далеко в округе. Особенно мелодично звучала дружно исполняемая хором песня «Мамашенька бранила». Четко выделялись мужские голоса.

Известный фольклорист А.К. Микушев в 1956 году обследовал традиционный репертуар села, особенно песенный, который к этому времени не был еще изучен. Талантливый исследователь он умело находил народных певцов, помогал им восстанавливать в памяти забытые старинные и обрядовые песни. Умело создавал словесный портрет исполнительниц.

В 1958-59 гг. он записал народную поэзию села. Ему удалось встретить талантливых исполнителей, супругов Клыковых. Репертуар Любови Осиповны, 1889 года рождения, состоял из народных песен, причитаний, детского фольклора. Она оригинально исполнила свадебные причитания матери, кося, бане, а также песни «Шондібаной, оломой» (Солнцеликая жизнь), «Сад йорын по ныв гуляйтё» (Во саду ли в огороде девушка гуляет), детские песенки «Кокё, кокё, котрав» (Ноги, ноги, бегайте), «Родтам, гонитам» (Скачем, поскачем), «Кисульой, каньылёй» (Кошечка, кисонька), «Чожё, бобё» (Милая, голубушка).

Вместе с супругом М.Н. Клыковым, родом из Тентюкова, они исполнили песни «Ылын-ылын, виль слобода тыдалё» (Далеко-далеко видна новая слободка), «Полеысь туман кайё» (С поля туман поднимается), «Из московских вы купцы», «Прощай, Донской», «Алые цветики упали», «Дон кузя гуляйтё» (По Дону гуляет), «Казань гора» (Казанская гора), «Ныв вала лэччё» (Девушка идет за водой), «Том ичмоньяс, майбырьяс, ягод вотны мунісны (Молодицы, счастливцы, ягоды собирать пошли), «Во солдатах горе горькое житьё», «Катя в рожице гуляла», «Сидел Ваня на диване, «Уродилась я в поле как былинка», «Ты, подгорка, широкая улица».

Цикличность календарных праздников и сопровождавших их обрядов отражают своеобразный быт сельчан, тесную их связь с окружающей природой и

приспособленность их к природным условиям помогали поддерживать им общий ритм жизни, сопровождавших также увеселительными играми, песнями, своеобразной праздничной культурой Богородицу отмечали в деревне Ягвыв. Вместо дороги там кругом росла зеленая трава. В этот день устраивали также качели. Молодежь развлекалась игрой «лэччѳм-кайѳм» (спускание-поднимание).

В Тентюково любили и ценили народные песни. Исполняли их на русском и коми языках. До глубокой старости собирались на просторном крыльце Якѳ Семен Васи (Титова Василия Дмитриевича) соседи Анна Николаевна, Елькониды, Петр Алексеевич, сами хозяева, их сыновья и до темна были слышны песня за песней, старинные, протяжные. «Во солдатах горе горькое житье», «Катя в рощице гуляла», «Сидел Ваня на диване», «Ты, подгорка, широкая улица», «Уродилась я в поле как былинка», «Сенька Тюрника телегу продала», «Понапрасну Ванька ходишь», «Я рассеял свое горе по чистому полю», «Во саду садочке ветер воеет», «Тига-тига, серы гуси на Дону», «Вечером красна девица со стадом шла». Запевалой был Василий Дмитриевич. Пели под гармошку. Пожилые вспоминали старинные протяжные песни, а также церковные. Встречи односельчан всегда сопровождались пением песен. Из открытых окон слышны были солдатские, матросские песни времен первой мировой и гражданской войн.

Мастерство хорового пения показали местные колхозники во время демонстрации на Красной (Стефановской) площади перед трибуной во время празднования 7 ноября. Слушая речи выступающих после эскорта кавалеристов, проскакавших на конях, кто-то тихонько запел «Последний нынешний денечек гуляю с вами я, друзья». Женщины пытались заставить его замолчать, но остальные мужчины дружно подхватывали песню и стали петь так громко, что не стало слышно голосов, выступающих с трибуны. Пропели до конца очень хорошо и получили всеобщее одобрение, а кавалеристы, похвалив, сказали «Молодцы, мужики». Популярными среди сельских певцов были и песни «По Мурманской дороге», «Во саду садочке ветер веет», «Понапрасну Ванька ходишь» и другие.

Молодежь, а также подростки проводили летом различные игры. В сухую погоду вечером, когда прекращалось движение по основной дороге (мир туй) по ровной ее части от

дома Петыр дядь до Тима Микул собирались дети старшего возраста играть в «Поп вѣтлѣм» (Изгнание попа). Первоначально проводилась жеребьевка. Один из участников брал палицу и держал её вертикально. Остальные подходили к нему и прикладывали руку с нижнего конца шириной сжатый кулак. Остальные по очереди дотрагивались до палицы. Кому не удавалось приложить руку, тот должен короткий конец жерди вставлять на «попа». Подростки, находясь по одной линии за чертой, по очереди бросают свою палицу в попа, стараясь выбить его как при игре в городки и отодвинуть подальше. Ведущий все время исправляет, ставит «попа» в вертикальное положение в том месте, где он оказался.

Если никто не попадает в «попа», очередность становится другой. Кидает тот, у кого палица в ходе игры оказалась к нему ближе. Все игроки бросаются к своим палицам, чтобы успеть схватить её и добежать до линии, где начинается игра. Прибежавший последним расставляет «попа». Кто попроворней, тот старается кинуть чужую палицу подальше, чтобы игрок, кому она принадлежала, отстал от группы. Все заканчивалось туманами, но никто не обижался.

Популярной была и игра в лапту (лѣччѣм кайѣм). Начиналась она с того, что двое, старших по возрасту, подбирают нужных для себя ребят. Также проводят жеребьевку и разделяются на две группы. Одна остается бить по мячу у верхней черты, другая – у нижней через 10-20 шагов друг от друга. Парни первой группы бьют палкой по мячу, который бросает им старший из другой группы и все по очереди кидаются к дальней черте. Участники игры должны поймать мяч и попасть в бегущего к дальнейшему концу или наоборот. В кого попадут, тот вынужден покинуть игру, остальные меняются местами. Игра азартная. Надо быстро бегать, прыгать, вовремя падать, когда летит на игрока мяч, а также ловко бить палкой по мячу по бегущим участникам игры во время передачи его кому-нибудь из своей команды. В игре с мячом (лѣччѣм-кайѣм) участвовали взрослые парни и крепкие молодые мужчины. Мячи были тяжелы, набитые конскими волосами. Позже заменили их на овечью шерсть, а затем появились резиновые.

В игру «чур рузь» играли девочки. Начиналась она с того, что на поляне проводили прямую линию, на которой через равный промежуток каждая готовила себе яму (рузь). Сняв пласт земли поворачивали там несколько раз пяткой, образуя круглую

яму (рузь), размером с мяч. Затем проводили жеребьевку произнося слова «перё-нарё, сиду луду». Ведущая при каждом произнесенном слове слегка шлепала рукой каждого игрока по плечу. На кого попадало последнее слово, тот катил мяч по линии готовых ямок. Попад в чью-то ямку обладатель его кричал «чур рузь», а затем брал его и кидал в первую попавшую яму. Кому он попадал, тот продолжал игру.

Любимой игрой у парней и молодых мужчин были городки. Собирались группой в кулиге у дома Сандрё Иван, за домом Геня Сергея. Постоянное городишное место было у Сергей Ваньё. Для детей устраивали крутящиеся вокруг столба качели напротив дома Ёньё Ваньё, местного сапожника.

Зимой после занятий в школе дети на лыжах устраивали игру «ловля оленя». Кто-то из группы по жребию должен поймать «оленья», тот ловит следующего. Так постепенно увеличивается число ловцов, а количество «олень» убывает. В конце остается лишь один неуловимый «олень». Его окружают всей группой у спуска к курье. Но иногда не удавалось его поймать. Игра продолжалась на следующий день.

Популярной была игра в кости (бабки), в Чапаева. Соревновались, кто двадцать раз прыгает с трамплина. В 1940 году был отведен участок для спортивного стадиона, скат к берегу реки Вычегды. Там организовали площадку для игр с разным спортивным инвентарем. Проводили встречи по футболу между грездами.

Народное творчество, различные жанры коми фольклора села Тентюково значительно представлена в творчестве В.И. Лыткина, ученого с мировым именем, европейски образованного, доктора филологических наук, профессора, поэта, лингвиста, основоположника финно-угорской филологической науки. За свою трудовую деятельность он заслужил всевозможные знаки уважения и признания, множество титулов и всевозможных наградений от научной общественности мира. Был почетным членом Финской Академии наук, почетным членом Международного финно-угорского общества в Финляндии, почетным членом Международного общества хунгороведов в Венгрии. Благодаря своему таланту он занял положение ведущего ученого по пермским языкам и самое почетное место в Истории финно-угорского языкознания. Несмотря на свои достижения и успехи он оставался очень скромным и доброжелательным человеком.

Видный коми ученый фольклорист А.К. Микушев высоко оценивал его научный труд, а также отмечал, что история науки и искусства не знает много примеров, когда в одном человеке счастливо сочетались дар ученого и поэта. Он, сын коми народа, стал одним из самых выдающихся основоположников финно-угорской филологической науки, её славой и национальной гордостью. У него было множество аспирантов и последователей финно-угорской науки в разных городах России, а также в Венгрии, Финляндии, Австрии.

В.И. Лыткин родился 15(27) декабря 1895 г. в с. Тентюково, в трех километрах от Усть-Сысольска (Сыктывкара) в крестьянской семье. Как со стороны матери, так и отца окружали его многочисленные родственники. Мать была неграмотной, по-русски знала только два слова есь (есть) и нет. Отец, мудрый и образованный человек, к сожалению рано умер, когда Василию было всего два года.

Получив первоначальное обучение в местной сельской школе В. Лыткин продолжил учебу в Усть-Сысольском городском училище, попав сразу в третий класс благодаря самостоятельной подготовке программы для начальных классов по математике и геометрии. Это был единственный случай среди учащихся в этом училище. После его завершения ему удается поступить в четырехгодичную Тотемскую учительскую семинарию. Выдержав серьезный конкурс и получив стипендию он обучается там с 1912 по 1916 год. В эти же годы он начинает писать стихи на коми и русском языках. В 1922-1925 годах учится в Московском государственном университете, затем в аспирантуре по специальности русское и финно-угорское языкознание. В эти же годы он стажировался в университетах Финляндии, Венгрии, Германии. В 1927 году экстерном заканчивает Будапештский университет, на венгерском языке пишет диссертацию и получает диплом доктора философии. В 1946 году защищает в Московском университете докторскую диссертацию.

Первые уроки об удивительном творчестве народа В. Лыткин получил от своей бабушки-сказочницы Стуч Варука. Отдыхая на печке или голбце, взяв кого-нибудь из детей на руки, покачивая головой, махнув рукой, не спеша, меняя интонацию голоса она начинала свои бесконечные сказки, добавляя от себя знакомые детали и эпизоды. Все они были связаны со знакомыми для детей местами проживания. – Тентюковым. Ее

любимой поговоркой была «Ворон облетел весь свет, но теплее своего гнезда ничего не увидел».

В.И. Лыткин с детства глубоко погрузился в жизнь своего народа, его творчество, психологию обычаев и традиций. Благодаря тому, что в него было с раннего возраста заложено народное и вечное, его творческая энергия и глубокое осмысление познанного сохранялось до преклонного возраста. С детства он воспринимал окружающую его природу как нечто живое. Лес, поля, река были для него не просто пейзажными деталями, а представляли живые образы со своей необычной жизнью. Вся природа была наполнена для него поэтическим видением, где растут «бородатые ели», «богатыри лиственницы», «лысьяс шувгёны, найё сьылёны, найё мойдёны» (хвойные ветки шумят, они поют, рассказывают сказки). Он формировался как творческий человек, большой юморист и лирик. Но тяжелым и сложным был жизненный путь будущего поэта и ученого.

Рано оставшись без отца, он с шести лет вынужден был помогать по хозяйству, бороться за землю, с семи лет ходил на сенокос, в девять дал ему косу. На каникулах и в праздничные дни он часто бывал в Граддоре у своих двоюродных братьев. Один из них знал множество бесконечно длинных сказок, которые он рассказывал вечерами, лежа на полатах¹

Всевозможные сказки он слушал и запоминал и запоминал от сверстников на рыбалке, сидя у костра. Они у них, как и у старого деда, длились бесконечно долго. Об этом писал в стихотворении «Чери кыйысьяс» (Рыбаки):

Кыркөтш дорын костер би,	У обрывистого берега реки огонь от костра,
Код нё сэні сэні ми.	Кто же там? Там мы
Ольё, Онё... Уна мукөд,	Ольё, Онё... Много других,
Дзоньён чери кыйысь чукөр.	Все рыбаки
Бипур дорын мойдам, вен	У костра рассказываем сказки, спорим
Мойдам, сёрам, серам гор	Рассказываем сказки, болтаем, смеемся громко
Бипур дорын дыр оз ор.	Не затухает это долго около костра

¹ Граддор расположен на правом берегу р. Сысолы. Основан в 1707. Впервые упоминается в 1719 г.

Иванлӧн паськавлӧ вом:
- Вода, мойдлӧн оз во пом!
Кывтӧ гортас посни котыр,
Шлыгӧ мойдигтырйи ю.

Иван начинает уже зевать:
- Лягу, у сказки не будет конца!
Плывут домой маленькие дети,
Течет, рассказывая сказки,
река.

По воспоминаниям В. Лыткина у старого деда были бесконечно длинные сказки о том, как жил когда-то царь. Как однажды напал на его государство гундыр и захватил у него город. В стихотворении «Даддӧн джуджыд чойті» (На санях с крутой горы) поэт описывает ту обстановку, когда и как происходило приобщение к сказочному богатству, знакомство с большими мастерами-сказочниками, умеющими рассказывать сказки, усвоенных от своих родных и знакомых, долгими зимними вечерами. Не раз слышал он от них предания о богатырях, об удивительном их росте и силе, о буке (бубуле).

Узнал В. Лыткин в детстве от бабушки и об обитателе домашнего духа – домовом. По ее рассказам он жил в подполье и выходил оттуда, чтобы совершить какое-либо зло хозяевам или предсказать неприятность, наваливаясь на людей. Увидев его произносили заговор: «Ангел-хранитель, бережитель, сохранитель. Во все стын, медные ворота, спас, Старуха, замок». Текст значительно забыт и искажен.

Чувство страха внушали и от покойников-еретиков. Чтобы они не встали из гроба, втыкали им в пятку иголку без ушка. Боялись и встречи с еретиками, которые также представляли якобы опасность для людей. Бабушка говорила своим внукам, чтобы узнать, кто перед ними, достаточно внимательно взглянуть им в глаза, в зрачках которых изображение отображалось в перевернутом виде. Рассказывала она и о полуднице (пӧлӧзничка), которой пугали детей, чтобы они не бегали по хлебным полям и не портили посевы.

Стуча Варвара, хорошо знавшая жизнь, быт и традиции сельчан, удивляла мальчика своими всевозможными воспоминаниями. Особо впечатляли его рассказы о еретиках. Различные высказывания о них он использовал в своих юмористических произведениях, например, «Педӧрыд еретик» (Федор еретик).

С детским фольклором песнями-сказками «Руй-руй», «Бобэ, бобэ», «Оввэ, оввэ» знакомили его бабушка и мать. Часто вспоминал В. Лыткин и то счастливое место, куда он

любил ходить с раннего детства и слушать сказки у доброй пожилой женщины, проживавшей в стареньком небольшом домике на берегу реки, который окружал вековой зеленый лес, (веж яла яг) с белым мхом, бородатыми елями и богатырями лиственницами. Он постоянно подчеркивал, что ему бесконечно дорого родное село со светлозелеными борами, сверкающей полноводной рекой Вычегдой, красотой ее берегов, где росли самые разнообразные лекарственные растения и цветы, а склон был усеян душистой земляникой. Очарован он был и речкой Дырнос, которая свои воды несла в Вычегду. Туда он вместе с детьми бегал купаться несколько раз в день, которая:

Из вывтї визув шор дзольгѳ,	По камням быстрый ручей журчит,
Эжвалань писькѳдѳ туй.	К Эжве пробивает дорогу.
Варова челядь моз больгѳ,	Бойко болтает, как ребенок,
Быттьѳкѳ мойдѳ «Руй-руй».	Как будто рассказывает сказку «Руй, руй».

С ранних лет В. Лыткин впитал в себя все то, чем жили его односельчане, их деревенскую культуру, обычаи и традиции. В своих воспоминаниях он отмечал, что слышал в детстве не только сказки, но и народные песни, такие как «Ылын-ылын ва сайын виль слѳбѳда тыдалѳ» (Далеко-далеко за рекой новая слободка видна), «Сад йѳрын пѳ ныв гуляйтѳ, мича зон волывлѳ» (В саду девушка гуляет, красивый парень к ней приходит), «Ныв лѳччис вала» (Девушка пошла за водой), «Ю вылын пѳтка» (На реке дичь), «Шондїбанѳй олѳмѳй» (Солнцеликая жизнь), «Коньѳрѳй да Ванькаѳй» (Бедный Ванька) и другие.

Фольклорист А.К. Микушев при подготовке к изданию сборника частушек обращался к нему с вопросом, слышал ли он их среди коми певцов в начале XX века В.И. Лыткин в ответном письме писал ему, что примерно в 1920-х годах он записал переведенную с русского на коми язык частушку, популярную в различных вариантах, которая звучала так:

Ен кымрасьѳ, ен кымрасьѳ,	Небо хмурится, небо хмурится,
Ог тѳд зѳрас, ог тѳд оз.	Не знаю, пойдет ли дождь.
Милѳй локтѳ и шутьялѳ,	Милый идет и свистит,
Ог тѳд кежас, ог тѳд оз.	Не знаю, свернет или нет.

Он подошел обоснованно к появлению частушечной поэзии, проследил её бытование в разных районах коми, а также источники, где они появились в публикациях, тексты, короткие четверостишия, напоминающие частушки. Он считал, что появлению новой песенной формы сыграли и свою роль отходники, которая отвечала запросам того времени. Отметил он и роль русских частушек. В. Лыткин полагал, что коми частушки появились раньше на Лузе. В деревне Поруб в 1925 году он записал такую частушку:

Тіян Дарья, миян Дарья,	Ваша Дарья, наша Дарья,
Вичко дорса бабаяс.	Бабы около церкви.
Вичко дорса бабаяс да	Бабы около церкви да
Карта сайса лябояс.	Сплетницы за хлебом.

Он наблюдал за молодежными гуляниями, прислушивался к исполняемым ими различных песен и импровизаций, а затем услышанное и увиденное выражал в четверостишиях:

Петомаось гажодчыны	Вышли веселиться
Том йоз берег вылө.	Молодежь на берег.
Налөн нора сьылөм шыыс	Грустное пение у них
Вөлөсть пасьта кылө.	По селу звучит.
Серам ланьтас, сьолөм озьяс,	Смех утихнет, сердце зардеет,
Ёсь гөлөса кыйсьысь йөзлөн,	Звонкоголосых охотничьих
	людей,
Юргө гөгөр мича гор,	Звучит кругом красивая
	мелодия,
Кодыр гаж, кодыр нор.	Когда веселая, когда грустная.

Познавая жизнь народа, его психологию, эмоциональные чувства через народное творчество В. Лыткин был очарован красотой родного языка, его возможностями выразить душевные и поэтические чувства. Тонкая связь с родным фольклором дала ему возможность стать глубоко национальным поэтом, сумевшим все услышанное и увиденное образно и проникновенно с большим мастерством использовать в своем творчестве.

Серьезно и профессионально будущий ученый увлекся изучением и сбором коми фольклора ещё в студенческие годы. Находясь в пути или дома, он записывал у родных, знакомых песни, сказки и предания.

Во время летних каникул он увлеченно собирал полевой материал. Всего он совершил около ста поездок в различные районы Коми республики, а также Коми-Пермяцкого округа. Он сумел заинтересовать и своего старшего брата Петра Лыткина, который, находясь в армии (1915 г.), записал от коми солдат десятки сказок и отправил их брату в Тотьму, но, к сожалению, записи оказались утерянными.

Протекавшая рядом с селом живописная, богатая разнообразной рыбой река Вычегда не раз была воспета им в поэтических строчках. Вся окружавшая его первозданная природа с разнообразной растительностью, душистой земляникой, растущей по склонам берегов отзывалась лиризмом и любовью в душе Василия Ильича к своей малой родине, о чем он написал в знаменитой поэме «Мунёны» (Идут).

Талантливый исследователь, гуманный мыслитель, он с детства формировался как лирик и тонкий юморист. Попробовав рано писать, он понял, что на коми языке можно создавать глубокие и яркие произведения.

С лучшими образцами коми фольклора он познакомился в детстве. Усвоенные им в этот период сюжеты и мотивы, различные образцы, фольклорная эстетика глубоко проникли в его душу и постепенно нашли свое выражение в его творчестве. В.И. Лыткин создавал свой мир, в котором он сумел отразить ту сторону народной жизни, которая была связана с самосознанием народа, его мироощущением и миропониманием, раскрытием народного образа жизни в единстве с окружающей человека первозданной природой, его характером сквозь призму фольклорного сознания.

В своем богатом воображении он воспринимал все по-сказочному. Лес, по его мнению, дремлет, богатыри лиственницы о чем-то переговариваются с бородатыми елями. Кузнечик рассказывает сказки, о чем-то шепчутся цветы. Живой для него была и речка Дырнос, куда он вместе с детьми бегал купаться несколько раз в день, которая, прыгая по камням, также напевала песню-сказку «Руй-руй!»

В.И. Лыткин, рано познав силу воздействия сказочных образов и мотивов на детскую душу, своим талантом лирика и юмориста, создавал удивительные сказки на родном языке оригинальные художественные произведения, став первым детским писателем, для чтения им создано 15 книг. А.К. Микучев отмечал его многогранный талант как одного из первых

детских писателей, создавшем циклы сказок, стихотворений и рассказов на основе собранного им самим фольклорного материала, проявив свой многогранный талант. Сохраняя народную основу, дух оригинала В.И. Лыткин написал произведения для детей глубоко национальные, отразив в них мысли, чувства, знакомый для детей образ жизни в различных его аспектах, мышление коми народа. Своеобразие его произведениям придают не только фольклорные образы и сюжетные реминисценции, но и особая их авторская трактовка, насыщенная присущим ему юмором и комизмом.

В.И. Лыткин одним из первых коми писателей заложил основу коми детской литературы. С особой силой его талант проявился в 50-60-е годы. Он создал особую неповторимую для детей поэзию с учетом особенностей детского мировосприятия в доступной для их восприятия эстетической форме. Используемые в его творчестве жанры не имели застывшей канонической формы, что позволяло ему расширять границы его фантазии, привлекая также произведения малых жанров, как загадки, пословицы и поговорки, заговоры, основанные на вере в силу их магического воздействия.

Героями его произведений стали популярные персонажи коми сказок и преданий. Свое внимание поэт обращал на роль природы, окружавшую действительность, на эстетическую сторону образов, а также на нравственные, национальные особенности, на их реалистичность, сочетая все это с авторскими замыслами, добрым юмором.

Наиболее любимым жанром были у него сказки и предания. Волшебные сказки он строил с троекратным повтором, чудесными превращениями, с использованием приемов гиперболизации, особенно при описании подвигов коми охотников-богатырей. Умело создавал впечатляющие образы главных героев, дополняя запоминающимися эпизодами, отталкиваясь от народных источников, помогающим подчеркивать национальный характер созданных им сказок.

Благодаря тому, что он умело сохранял заложенное в нем с детства народное и вечное, его творческая энергия и глубокое осмысление познанного сохранялась до преклонного возраста. Хотел работать и дожить до 100 лет, однако скончался в 85. Созданные им произведения впечатляют умением точно выразить эмоции и чувства благодаря тонкому знанию и использованию образного коми языка.

Писатель, создавая свой вариант сказок, сохранял традиционную сюжетную канву, последовательно выдерживал характерный для данного жанра стиль при помощи героев – охотников, на фоне национального образа жизни, взглядов коми крестьян, с учетом особенностей их трудовой деятельности. Его новая модель поэзии для детей обогащала детскую литературу, как реалистическими сюжетами, так и комическими со свойственным ему юмором.

В.И. Лыткин переложил в стихотворной форме сюжеты известных коми народных сказок «Нерим», «Зарни бѡжа кань» (Кот с золотым хвостом), «Пипилысты сѡкѡл» (Ясный сокол), «Пера богатырь», «Багатырьяс йылысь» (О богатырях). Талантливо, с большим мастерством он характеризует главных героев сказок, знакомых каждому читателю.

Сказка «Неримѡ дядѡ» (Дядя Нерим) состоит из двух контаминированных сюжетов (Сус 170 и Сус 158). Главный герой представлен таким же, как и в народной сказке хитрым, жадным, расчетливым мужиком, решившим получить выгоду путем обмана. Удачным является песенная вставка, где Нерим рассказывает о своих хитрых проделках. Завершается сказка традиционно, лишь несколько изменен состав зверей, съедающих его бычка. Полностью выдержав народный сюжет, фольклорный стиль-поэт представил свой вариант сказки, аналогичной народной, содержательной и впечатляющей.

В сказке «Зарни бѡжа кань» (Кот с золотым хвостом сюжет Сус 454 А) в поэтической форме рассказывается о коте-оборотне, которым оказался медведь. Постепенно сказка развивается по типу Сус 311. Не изменив содержание сюжетов поэт создал новое самостоятельное произведение, сохранив все эпизоды и детали, а также идеи народной сказки, изменив незначительное количество героев. Кот характеризуется как волшебный персонаж с золотым хвостом, серебряными лапками, с горящими по бокам звездами. Поступки девушки, главной героини сказки, традиционны. Оказавшись умной и предусмотрительной, она сумела перехитрить оборотня, живой и невредимой возвращается домой. Поэт создал свой авторский вариант, сохранив первоначальную народную основу.

В сказке «Пипилысты сѡкѡл» (Ясный сокол) поэт использовал сюжет «Аленький цветочек» (Сус 425). Сохраняя традиционный вариант, он вводит новых героев: колдуна, Ёму, великана, богатыря Перу, мотив чудесного пояса и чудесных

лыж, напоминающих лыжи Йиркапа. Как и в фольклорном сюжете героями являются три сына, главный из которых младший. На вопрос отца какие им привезти подарки, младший просит достать ему птицу Пипилысты, которая превращается в красивую девушку.

Используя фольклорные мотивы и образы коми народных сказок поэт создает и новый вариант предания и Пере богатыре, значительно обогатив представление о нем за счет других персонажей и сюжетных линий не только как могучего богатыря охотника, но и опоры, защитника своего народа, Отечества от иноземных захватчиков. Все это описывает он на фоне жизни простых коми крестьян, раскрывая их характер и взгляды на события. Противник Перы заменен известным ему с детства персонажем коми сказок Гундыром.

Упоминается и мотив борьбы Перы с графом Строгановым. Заканчивается предание редко встречающимся мотивом окаменением Перы. Однако даже в таком виде он внушал страх своим врагам, способного сплотить и поднять народ против них. В.И. Лыткин создал впечатляющее произведение, глубоко национальное, отражающее мысли, чувства, мечты коми людей.

Поэт удачно использовал также сюжеты и мотивы произведений К. Чуковского «Муха Цокотуха», «Федорино горе», «Тараканище», «Мойдодыр» и других детских поэтов, сохраняя основные идеи произведений. Поступки и действия героев раскрывает на понятном каждому бытовом фоне, который близок и понятен читателю с учетом национального образа жизни и быта. Эмоциональная и психологическая близость произведений вызывает у читателей особый интерес. Будучи исключительно скромным, по-детски открытым к людям, доверчивым и обаятельным человеком, он умело использовал те детали, эпизоды, мотивы, которые воспринимались естественно и убедительно, как бы оживляя окружающую действительность в развитии и с юмором, сохраняя дух оригинала.

Заслуживает внимания и уважения к своей исследовательской деятельности Т.И. Жилина, родившаяся также в селе Тентюково, в местечке Ягвыв. Ее работы можно назвать эталоном научной добросовестности. Во время полевых работ она могла позволить себе отдых только сменив один вид работы на другой. После изнурительного изучения лексики,

диалектических особенностей изучаемого говора, вечерами записывала от своих информаторов фольклорные произведения, в которых также старалась найти лексические, грамматические особенности.

Она понимала, что фольклор, как и язык, важнейший элемент национального самосознания народа, память о традиционных корнях предков, важнейшая культурная ценность. Успешно защитив кандидатскую диссертацию на тему: «Именные категории верхневымских говоров северного диалекта коми языка», она продолжала тщательно изучать особенности коми языка бассейнов рек Выми, Вычегды, Сысолы, Лузы, Камы, а также языковые особенности коми переселенцев Зауралья. Т.И. Жилина написала много крупных работ, в том числе монографии, имеющих большую научную ценность. Ею записано также много редких, оригинальных этнографических текстов и фольклорных произведений

Ещё одна уроженка села Тентюково В.А. Сорвачева местечка Чоййыв, активно работала над изучением языковедческого материала. Ею записаны также тексты различных фольклорных жанров. Среди записанных ею произведений пословицы и поговорки, загадки и приметы, частушки, детский фольклор, обрядовые произведения, бытовые рассказы, воспоминания о Великой Отечественной войне, охотничьи рассказы, немало оригинальных вариантов коми волшебных и бытовых сказок. Собранный материал публиковала в диалектологических изданиях.

В разные периоды по своему были востребованы и осмысливались коми фольклористами отдельные жанры, которые оказались более или менее активно вовлечены в научные исследования. В лингвистическом издании «Образцы коми зырянской речи» (Сыктывкар, 1971, с. 46-47) были опубликованы собранные Т.И. Жилиной пословицы и поговорки, записанные от М.И. Сорвачевой (64 лет) в селе Тентюково в 1958 году в количестве тридцати пяти текстов, некоторые с дополнительными вариантами. Среди них встречаются чаще употребляемые именно коми людьми пословицы и поговорки, такие как «Понлы мёд гён оз пет» (На собаке другая шерсть не вырастет),

«Пельтём поплы кыкысь оз звёнитлыны» (Для глухого попа дважды не звонят),

«Винёв пу он веськӧд, лёк мортӧс он велӧд» (Свиливатое дерево не выпрямить, дурного человека не образумить),

«Ассьыд первой пӧла шапкатӧ лӧсьӧд да вӧльысь йӧзсӧ велӧд» (Сначала свою шапку поправь, а потом других учи).

«Кутшӧм чунь он курччы, сійӧ и доймӧ» (Какой палец не укусишь, тот и болит), чаще говорили родители о детях.

«Выйнад и сись пу сёйсьӧ» (С маслом и гнилушка съестся),

«Медтӧм-донтӧм работник овлӧ, а сёйтӧм-ютӧм оз» (Даровой работник бывает, а который не ест и не пьет, не бывает).

Сохранились еще некоторые локальные образцы, например, «Пес сарайӧ, бес картаӧ» (Дрова в сарай, бес в хлев),

«Петкӧдла ме тэныд пӧсь пывсян» (Покажу я тебе горячую баню),

«Менсьым синмӧс вежӧмаӧсь, нинӧм ог аддзы» (Мои глаза поменяли, ничего не вижу),

«Гырдатӧ эськӧ курччан да он судз» (Локоть хоть укусишь да не достанешь),

«Киссьӧм ватӧ он курышт» (Пролитую воду не соберешь).

Лытӧм чери оз овлы (Рыба без костей не бывает).

Велӧдас дорын узылыны (Букв.: Научит спать с краю. Научит по одной половине ходить).

Понлы мӧд гӧн оз пет. (Букв. На собаке другая шерсть не вырастет. Черного кобеля не отмоешь до бела).

Йӧз вылӧ эн серав, ас вылад усьӧ. (Над людьми не смейся (насмехайся) на себя обернется).

Кынӧмьд кӧ сюмалӧ, ув и бадь сёйсьӧ. (Букв. Проголодаешься, так и сучья и ветки съешь).

Тӧв йылысь локтис, тӧв йылӧ и мунис. (С ветра пришло, на ветер и ушло. Легко досталось, легко и ушло).

Культурное общение между коми и русскими, базирующееся на культурно-исторической общности этих народов, значительно сблизили их, создав много общих пословиц и поговорок.

Из малых жанров также были выделены приметы, охватывающие широкую сферу жизненных интересов крестьян в разные периоды жизненного цикла. Наряду с сельскохозяйственными приметами выделялись промысловые и другие, которые тесно переплетались с религиозно-магическими

обрядами и ритуальными действиями, приуроченным к известным календарным датам.

Тяжелые испытания пережили жители села Тентюково. Люди были глубоко потрясены и взволнованы известием о начавшейся войне, но сохраняли свои лучшие человеческие качества, оказывали помощь фронту.

Народному творчеству выпала роль выполнять свою важную общественную функцию, способствовать формированию нового духовного и морального облика человека – борца, пробуждая патриотические чувства, способствуя преодолению возникших трудностей.

Самыми отзывчивыми на трагические события оказались песни, частушки, причитания, особенно те, где воспевалось о тяжелой разлуке, о смерти солдат на войне и о горе матери. Наибольшей полнотой выражения разнообразного комплекса дум, чувств, настроений и переживаний в народной среде в тылу в годы войны были частушки. Коми фольклор помогал выстоять против трудностей, выпавших на долю мирных людей, в труднейшей обстановке и поддерживать воевавших на фронте.

С объявлением войны защитников Отечества в городе Сыктывкаре провожали на фронт под звуки духового оркестра «Прощание славянки», увозивших их от родного дома на параходе. От колхоза «Ыджыд вын» (Большая сила) проводили в Красную Армию большую группу односельчан Фролова А.С., Сорвачева В.К., Сорвачева В.М., Фролова А.К., Елькина А.М., Клыкова А.В., Тентюкова А.М. и других. Собирались в центре села у дома Молодцова И.П. Женщины громко рыдали, мужчины обходили собравшихся и с каждым прощались за руку, а затем рассаживались на телегу, держа в руках вещмешки. Уже на ходу кричали оставшимся: «Не поминайте лихом». Пожилые уговаривали женщин не рыдать в голос, якобы это не к добру.

Уже осенью 1939 года был опубликован документ «О заключении мирного договора с Германией». В Москве побывал министр иностранных дел Германии Риббентропп. Житель деревни Онтонти села Тентюкова Шишкин Николай сочинил о нем шуточную песню, которую исполнял под сопровождение собственной гармошки. Местные ребята подпевали ему. В первые же дни войны Николай Шишкин был отправлен на фронт. Он надеялся, что эта компания продлится недолго. Местом прибытия его была Прибалтика, где он в октябре 1942 года пропал в Литве безвести. Уже в 1940 году стали появляться

поляки. В селе распространялся тиф, который свирепствовал в 1940-41 годах. На одежде мигрантов ползали вши, заражалось и местное население, которых срочно увозили в инфекционные бараки. Многие умирали. Поляки были сильно ослабленными и не приспособленными к северным условиям.

Первым предсказателем начала Великой Отечественной войны оказался житель деревни Онтонпи Титов Степан Александрович, отслуживший в армии 25 лет. Был участником русско-турецкой войны, воевал на Балканах, отец учительницы Е.С. Шишкиной. Встречался с царем, получил из его рук грамоту и именное ружье за героическую службу. Он очень дорожил подарками, берег дорогие реликвии до глубокой старости. Был грамотным и по просьбе дочери учительницы Е.С. Шишкиной, матери погибшего Николая Шишкина, вечерами в её доме подробно рассказывал соседям и молодежи о подвигах русских солдат в битве с турецкими войсками.

Жители села предчувствовали, что будет война, но никак не ожидали, что она окажется настолько жестокой, кровопролитной и долгой. Началась она в самое неудобное для людей время, в разгар полевых работ.

Сообщение о войне первыми узнали работники фермы, собравшиеся идти на утреннюю дойку. В полдень услышали все о вероломном нападении Германии на Советский Союз. Все стали внимательно следить за сообщениями совинформбюро. В течение всего 1941 года новости были неутешительными.

Письма от солдат жители села получали нерегулярно. Началось паломничество к юродивому инвалиду Епѹ Оль Ёльѹксану, Александру Алексеевичу, внуку Ефима. Прошел слух, что он знахарь. Люди зачастили к нему. Все хотели узнать что-нибудь о своих близких. Инвалид всех обнадеживал: «Жив, вернется». Позже его изолировали за антисоветскую агитацию, реабилитировали лишь в 1993 году посмертно. Война пробудила в людях лучшие человеческие качества, народный патриотизм. Пришлось по-новому взглянуть на жизнь.

В поселке «Красный затон» открыли для поляков поселение, а в городе – польское агентство. В колхозе «Ыджыдын» были приняты на работу два брата поляка, хорошо разбиравшиеся в технике. Оба закончили университет в Швейцарии. Однако их вскоре посольство отозвало на военную службу. В полеводческой бригаде, куда были определены на работу несколько поляков, отказались от них, так как они были

совершенно обессиленными. Приходилось привозить их домой на санях. Не задержалось в городе польское посольство и выехало в Англию.

Через село проходили толпами эмигранты в сторону северной железной дороги. В теплые осенние ночи устраивались на отдых на убранных картофельных полях, разводили костры. Появлялись и дети беспризорники. Их брали в семьи на воспитание. Постарше устраивались на работу в сапожную артель. Многие умирали от тифа.

В июне 1941 года от колхозов отправили на фронт большой табун ездовых лошадей со всем снаряжением, телегами и повозками. Конюх П.Я. Титов с односельчанами сопровождал их до Череповца. Там они встретили группу беженцев, которые вскоре появились и в селе Тентюково.

Людей стал одолевать голод. В пищу шло все, что можно было взять у природы: березовый сок, щавель, крапива, грибы, ягоды, черемуха, шиповник, рябина, калина, подмороженный картофель. Кто держал коров на вырученные от продажи молока деньги покупал соль, сахар, спички. С начала войны очень остро встал вопрос о хлебе. Колхозникам карточки не выдавали. Коммерческий хлеб могли купить только семьи красноармейцев и то по спискам, утвержденным в горисполкоме. Некоторые обменивали хлебные пайки у сплавщиков на молоко.

С 1942 года стали приходиться скорбные известия. В боях погибали жители села самые здоровые и трудоспособные мужчины, организаторы колхозного производства, бригадиры, полеводы, животноводы, механизаторы. Горе коснулось чуть ли не всех жителей. У многих кто-то погиб или вернулся искалеченным. Были и пропавшие без вести. О некоторых из них узнали только к 40-летию Победы. Уже после окончания войны, пройдя немецкий плен, вернулись домой Елькин М., Титов М.С., Титов В.И. и другие.

Нелегкий боевой путь прошли девушки Фролова Н.И., Шешукова А.Н., Осипова А.И. Мужество и отвагу проявлял в партизанском отряде Клыков П.В. Житель села Онтонпи Демин М.Н. оказывал значительную помощь в восстановлении и ремонте военной техники не только отечественной, но и захваченной у фашистов, которая также помогала бить врагов. Дошел до Берлина, участвуя в самых опасных военных операциях, помогая без потерь выйти из немецкого окружения.

В жесткой схватке с немцами солдаты недоедали, недосыпали, не знали отдыха и покоя, теряли килограммы собственного веса, у некоторых ребра выступали лесенкой, позвоночник можно было нащупать со стороны живота. Защитники Отечества, чуть встав на ноги после ранения, сразу же просились в бой, особенно артиллеристы, кавалеристы, водители машин, работа которых на войне считалась особенно престижной.

В эти трагические дни все жили в состоянии глубокого переживания, особенно в моменты получения похоронки, расставания с уходящими на фронт близкими людьми. Фольклор во все времена выполнял важную общественную функцию. Почти все жанры коми народного творчества пронизаны мотивами нарушения врагами мирной жизни людей или их вероломным нападением.

Еще до начала войны по инициативе Г.А. Сорвачева, заместителя председателя сельского совета, разобрали и перевезли церковь «Воздвижения» из деревни Чойвыв под сельский клуб. Поставили ее на границе деревень Онтонпи и Тентюково. До зимы подвели под крышу. В центре здания сделали кинозал на втором этаже библиотеку. Начали там проводить различные мероприятия, показывали кинофильмы, проводили предвыборные встречи, концерты, собрания.

Фольклорно-этнографическая культура села Тентюково в контексте этнической и локальной специфики ее развития показывает жизнь людей в различных аспектах, которая была разнообразной и оригинальной. Однако сказались со временем необратимые исторические процессы. Фрагментарно живы ещё некоторые текстовые воспоминания, которые важны для восстановления картины прошлого. Свой вклад в сохранение и изучение творческого наследия внесли уроженцы села, известные ученые В.И. Лыткин, Т.И. Жилина, В.А. Сорвачева, А.Н. Фролов, журналист Л.А. Лыткин. С большим интересом собирал и записывал все то, что касалось жизни его предков А.А. Цивилев [4], бывший фронтовик.

Собранный материал показывает, как сельчане уважительно относились к календарным праздникам, которые совпадали с христианскими и сопровождались различными обрядовыми действиями, играми и забавами, хоровым пением, гуляниями, отражая процесс жизнедеятельности крестьянской общины в ходе бытовой и хозяйственной жизни. Долгие годы

старшее поколение сохраняло мудрость и талант своих предков. К сожалению, уже нет села и хранителей его традиций.

Список литературы и источников

1. Жеребцов И.Л. Населенные пункты Республики Коми / Историко-демографический справочник. М.: Наука, 2001. С. 452-434, 459-461.
2. Лыткин В.И. Архив КНЦ УрО РАН, ф.1, оп.11, д. 197 «а».
3. Лыткин Л.А. Сизим мыльк вылын. 1997, № 6. Л. 67-76.
4. Цивилев А.А. Рукописные записи о жизни и быте тентюковцев.

References

1. Zherebtsov I.L. *Naselennye punkty Respubliki Komi. Istoriko-demograficheskii spravochnik* [Settlements of the Republic of Komi. Historical and demographic guide]. Moscow: Nauka Publ., 2001, pp. 452-434, 459-461.
2. Lytkin V.I. Archive of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Fund 1, Inv. 11, File. 197 «а».
3. Lytkin L.A. *Sizim myl'k vyl'n*. 1997, № 6, pp. 67-76.
4. Tsivilev A.A. *Rukopisnye zapisi o zhizni i byte tentiukovtsev* [Handwritten records about the life and way of life of the Tentyukovites].